

СТЕРЕОТИПЫ РУССКИХ И РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЕ: КРИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОТ КОНСТРУКЦИИ К ДЕКОНСТРУКЦИИ

Самоопределение личности и народа происходит зачастую в сравнении с другими. Чаще всего другие - это зеркало, в котором народ видит себя, но другие - это также и кривое зеркало, способное отражать и негативные черты, которые народ сам у себя не всегда готов признать. Для польской самоидентификации теми другими были преимущественно россияне. Поляки с самого начала своей государственности, от 10 века, старались стать частью цивилизации и культуры латинского мира. Славянские же народы в восприятии их государствами европейскими были народами дикими, отсталыми, которые нужно завоевывать. Такое восприятие породило в подсознании большинства поляков неустанные напряжения, до сегодняшнего дня тающиеся в ложных попытках доминировать, превознося себя и принижая других. Эта проблема нашла свое отражение и в польской литературе, которая до конца XX века утверждала стереотипы, касающиеся русских и России.

Тема моего доклада связана с попыткой проследить закрепление в культуре и литературе бинарной оппозиции «Восток - Запада» и вытекающих из нее стереотипов. Итак, традиционно сложилось, что Запад (мы) - это мир логический, прагматический, культурный, рационалистический. Восток (они, другие) — представлен народами отсталыми, деспотичными, нелогичными, не способными к саморазвитию. Запад - это движение и развитие. Восток - косность и застой. Оппозиции, касающиеся духовной и религиозной жизни народов, так же представляются подобным образом: в православии преобладает неписаная традиция, теоретически невыраженный духовный опыт, неразрешимые противоречия. Католицизм же, напротив, является философской системой, рационалистическим и логическим учением [Said, 2005]. Таким образом: Восток - это мир спиритуалистический, чувственный, Запад — интеллектуальный. Нечто подобное выразил в своей поэзии русский поэт Федор Тютчев: «Умом Россию не понять, <. > в Россию можно только верить».

Рационалистический взгляд европейца, разглядывающего Россию с расстояния, закрепил Рышард Капучиньский в «Импери» (Karuscinski, 1993). Однако молодому поколению писателей не хватало имеющегося количества стереотипов. С молодыми вступил в диалог писатель Мариуш Вильк [Wilk, 2006; Wilk, 2007]. Писательница Дорота Масловская [Maslowska, 2005], представительница молодого поколения писателей, сделала шаг вперед: используя гротеск, она осуществила деконструкцию устоявшихся стереотипов. Таки, в современной польской литературе обнаруживается новая тенденция: от прежних стереотипов, касающихся России и россиян и традиционного их утверждения как истинных, наблюдается стремление перейти к диалогу, а через диалог и критическое их осмысление - к их деконструкции.

Между Востоком и Западом — генезис стереотипов

Чтобы понять генезис типичных представлений России и русских в современной польской литературе, необходимо вернуться на 1000 лет назад, когда в 966 году польский князь Мешко I крестил поляков и принял христианство по латинскому образцу, тем самым направив польское государство по европейскому пути в развитии культуры. На польские земли прибьши немецкие духовные особы, которые под лозунгами христианизации грубо колонизировали славян. В те годы наблюдалось стремление уничтожить двойственный путь развития христианства: латинский и славянский. Был упущен шанс на возможность интеграции на польской земле Западной и Восточной цивилизаций, гармоничного слияния православия и католицизма. Напомним, что миссия Кирилла и Мефодия была успешной, отправление церковной службы на славянском языке и наша *сакнет патриум* «Богородица» - это наилучшее свидетельство польской западно-восточной славянскости. К сожалению, вместо развития той традиции выросла враждебная преграда между западными и восточными славянами.

Таким образом, в самом начале образования польского государства наступила болезненная раздвоенность самосознания. Поляки становились чужими сами себе. Та общественная прослойка, которая творила польские традиции и культуру, ощущала свою славянскость как назначение и в то же время осознавала свое родство с неразвитыми цивилизациями. Приняв крещение от мира латинской культуры, была принята также и новая точка зрения: поляки научились смотреть с отвращением, презрением и ненавистью на собственное прошлое и на свои славянские корни. Уверовав в свою миссию распространения цивилизации на Востоке, поляки начали колонизацию своих славянских соседей: украинцев, белорусов и литовцев.

Россия - «политическая сатана»

Еще до XVII века Речь-Посполита занимала доминирующую позицию среди восточных славян. Однако в XVIII веке господство Польши пошатнулось, и начался раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией. Польский народ оказался без собственного государства и был подчинен грубой русификации и германизации. Чтобы как-то уцелеть, польские поэты-романтики сотворили целый ряд национальных мифов, которые так сильно вросли в нашу традицию, что до сих пор, по прошествии почти 200 лет, наши поэты ведут ними диалог. Какие это мифы? Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий, Игнаций Красинский и их эпигоны вели англоизацию Отчизны, Польша становится Христом народов. Этот ведет к демонизации ее врагов. Россия становится злом, угрожающим Европе, политической «сатаной». После большевистской революции в сознании поляков усилился

стереотип россиян как диких варваров. Исторические события усилили в польско-российских отношениях страх, ужас и ненависть. Этому немало способствовали ссылки, тюрьмы, концентрационные лагеря в Сибири, мародерства в катынских лесах, а после 1945 года навязывание Польше коммунизма, которого народ не хотел. В сознании поляков закрепилось разделение двух враждующих между собой держав, руководимых противоположными соседями: Восток, Россия - с ее деспотизмом и тиранией, и свободная демократическая Польша. От XIX века и до сегодняшнего дня поляки приписывают себе право на суровую критику несправедливости России, как царской, так и советской, так как испытали ее на собственной шкуре. В польской традиции утвердилось представление об интеллектуальном доминировании и моральном превосходстве поляков над россиянами [Janion, 2006:210]. Новая черта в устоявшемся стереотипе россиянина появилась в 1990-х годах, после падения коммунистического режима. В те годы россияне приезжали в Польшу по трудовой эмиграции. С тех пор повсеместно в сознании поляка закрепился новый стереотип: «русские» — торговцы дешевыми, часто нелегальными товарами на базаре и «русские» домработницы, уборщицы.

От конструкции стереотипа до его деконструкции

«Империя» Рышарда Капучинского - это репортаж с его путешествия по бывшему СССР. Капучинский создает образ героя, удивленно взвешивающего на новую Россию и удивляющегося тому, как отличается она от Польши. Почему? На это имели влияние прежние, закрепившиеся в коллективном подсознании стереотипы. К этому времени появилась уже новая их историческая необходимость. После распада СССР Польша стремилась подчеркнуть свою западную идентичность. Лучше всего это можно было сделать через демонстрацию своего превосходства по отношению к другой, чуждой России. Капучинский, описывая россиян и Россию, подчеркивает, что их «непостижимость для европейца» - это вполне нормальное явление. Прежде всего, европейцев поражает вездесущий фатализм россиян в отношениях, как к природе, так и к власти. Для россиян это равнозначные «катастрофы», на которые они не могут (не хотят и не пытаются научиться) влиять. Повторяется стереотип россиянина пассивного, уступчивого, который присутствовал в XIX веке в поэзии Адама Мицкевича.

Первое противоречие: россияне подвержены фатализму, они беспомощны и бессильны, и это определяет их судьбу. Европейцы же, напротив, динамичны, решительно заявляющие о себе в демократичном мире.

Следующей характерной чертой россиян являются их суеверия и предрассудки: сначала они обожествляли своих царей, потом Ленина, Сталина, а также и природу - бескрайние и снежные пространства Сибири. Из этого вытекает следующее противоречие: суеверные мужики, бьющие поклоны перед символами, и рациональные европейцы.

Капучинский усматривает отражение российского духа в самом характере русского языка: «язык по своей фразеологичности широкий и бесконечный как сама земля российская» [Karuscinski, 1993:315], он отмечает, что в российских книгах доминирует «бессодержательный словесный поток». Мария Янион иронично замечает: «удивительно, что Капучинский не читал подобных текстов по-польски и по-французски» [Janion, 2006:235].

Таким образом, Капучинский оперирует четкими оппозициями: Россия авторитарная, националистическая, отсталая. Ей противостоит либеральная, патриотичная и цивилизованная Европа. Капучинский устанавливает моральные и интеллектуальные границы между Россией и Европой. В таком стереотипичном представлении Польша находится в окружении: с одной стороны западная цивилизация, с другой она граничит с совершенно иной Россией.

Диалог с установившемся в польской литературе стереотипом России и россиян поднимает Мариуш Вильк. При этом он исходит от собственного понимания цитаты из Федора Тютчева:

***Умом Россию не понять
Аришином общим не измерить
У ней особенная стать
В Россию можно только верить***

Это четверостишие запало в меня и разбредило, аж я нашел! Последнему слову Тютчева «верить» я противопоставил собственное «пережить». Россию следует испытать самому [Wilk, 2007:14]. Мариуш Вильк решил сам «испытать», что такое Россия, чтобы узнать её сущность. Для этого он поселился на Соловецких островах, которые «от давних веков были признаны центром православия и российской государственности на Севере» [Wilk, 2007:16]. На Соловках также находились лагеря, потому, как писал Вильк, в «Соловках Россия видна так, как в капле воды - море» [Wilk, 2007:17].

Писатель жил там 10 лет, углубляясь в Россию, путешествовал по ее окраинам, читал летописи, исторические труды, касающиеся Соловецких островов, записки путешественников, но, прежде всего, он вел беседы с россиянами, дружил с ними, помогал им в их ежедневной борьбе с суровой природой. Он старался понять Россию и смотреть на нее глазами россиянина. И только потом все те свидетельства переложить на польский язык. Такого труда не проделал до Вилька не один писатель, не только польский, но и западный. И что же с того получилось?

Как отмечали польские критики, в творчестве Вилька трудно найти новые темы. Возвращаются хорошо известные проблемы: убийства, безрадостное существование, пьянство, цивилизационные и экологические катастрофы, коррупция и уверенность, что человеческая жизнь не представляет большой ценности. (Вильк, плававший по Беломоро-Балтийскому каналу, выстроеным пленными лагерей, встречался с мнением, что «так или иначе люди поздыхают, так чтобы хоть польза от них была» [Wilk, 2007:96].)

В чем заключается ценность прозы Вилька? Этот писатель, изучавший русский язык, стремился создать новый, польско-русский язык, язык, который был бы в равной степени понятен и россиянину, и поляку и не

требовал бы перевода. «Славянские языки происходят из одного корня, они имеют общих предков, может и общую прапраматерь. Русский язык, непосредственно вытекающий из славянского языка, особенно много сохранил в себе из общего славянского прошлого, как в словах, так и в структуре предложений. Польский же довольно много перенял из латыни» [Wilk, 2006]. Вильк предлагает дойти до славянской корневой (переступив через

•>поху пренебрежения) через русский язык и отыскать в нем ту нашу общность, от которой мы так упорно отказываемся. Как же другие взгляды писателей того времени могли обесценивать язык в русской культуре!

Затем наиважнейшей ценностью творчества Вилька является опыт российской реальности, погружение в нее с перспективы не иностранца, а своего. Поэтому, подводит итог Мария Янион, роль Вилька в польской культуре пока еще недооценена [Janion, 2006:241]. В Прозе Вилька близость и кровное родство поляков и россиян наблюдается в языке, который и является душой народа.

В повести Дороты Масловской «Польско-русская война под бело-красным флагом» также происходит война в языке - так же, как и язык Вилька был исповедью общего, связывающего Россию и россиян, так и у Масловской язык становится пространством войны, ведущейся в агрессивных монологах. Писательница отважно изобличает польскую одержимость и страхи, касающиеся россиян: «комплекс польской второсортности перед Западом превращается в убеждение, что русские еще второсортнее и еще хуже нас» [Maslowska, 2005:96].

Отношение к русским объединяло ксенофобичную польскую самоидентификацию. Русскими нужно пренебрегать, согласно стереотипу превосходства цивилизованных поляков над россиянами. Русские также вызывают страх, согласно стереотипу грозной, дикой, варварской России, который закрепился в польском сознании в результате исторических событий. И так возник призрак: русские вызывают страх, перемешанный с ужасом, русские - это причина различных несчастий поляков: «смерти нет, наверное, не верить в смерть - это предрассудок, суеверие. Инфекционные болезни - это предрассудок, автомобильные катастрофы - предрассудок, болезни - предрассудок, могилы - предрассудок, несчастья - предрассудок. Все это гнусные изобретения русских, которые они провозглашают, чтобы пугать нас. Сами русские могут не иметь даже того, что видится - произносит герой монолога Сильный»

В повести преобладающими остаются исторические события, бросающие тень на польско-русские отношения: «Русские отравляют Су-нюю За одного пса - двух русских, говорят, или трех. За Суною, за одну невинную смерть, неполитического польского пса - трех русских расстрелять! После чего берут палку и показывают, где будут стоять русские и как будут стрелять» [Maslowska, 2005:96]. В болтливом монологе Сильного можем найти аллюзии о расстрелянных органами НКВД в катынских лесах польских офицеров. Следующий фрагмент, в котором герои решают побить туристов из Казахстана, потому что они «приехали сюда, будто на экскурсию, а сами хотят делать измерения под будущие выселения поляков, под ограбление польских хозяйств..., пойдем и поколотим их» [Maslowska, 2005:100], демонстрирует, что в коллективной памяти поляков живет еще высылка поляков в Казахстанские степи в 1930-е и 1940-е гг. Согласно с условиями гротеска, здесь неизбежно возникает обратная ситуация: теперь россияне из Казахстана будут выселять поляков с их территорий.

Дорота Масловская представляет самое молодое поколение писателей. Она смело показала до недавнего времени прятавшиеся в тени одержимость и страхи поляков, касающиеся России и россиян и аккумулировавшиеся в польском самосознании почти 200 лет. Это тип одержимого «настоящего поляка», Сильного, слышащего повсюду, что «русские хотят нас изгнать из Польши и установить здесь русское государство, а может быть даже белорусское, закрыть школы, государственные учреждения, в родильных домах уничтожить всех новорожденных <...>, наложить штрафы и контрибуции на все продукты питания и промышленные товары» [Maslowska, 2005:50]. Дорота Масловская, благодаря очищающей силе смеха, официально сумела опровергнуть заэксплуатированный уже национальный миф.

На востоку от Запада, на запад от Востока

Так, о положен™ Польши в Европе иронично говорил Станислав Мрожек - писатель, который также в своем творчестве пытался преодолеть националистические мифы. Географическое положение Польши сформировало народное национальное самосознание, творящее череду мифов. Они были необходимы во время аннексии Польши и борьбы народа за свободу и независимость. Но в свободном и демократическом мире они приобретают характер рассказа. Сегодня поколение 20-30-летних задыхается в Польше от ксенофобии, от национально-католических измышлений, присутствующих в языке политиков, средствах массовой информации, уличных голосах, которые не являются их голосами. Вместо того, чтобы «выстраивать добрососедские отношения с Россией, начали извлекать корни исторической враждебности и недовольства, объявлять себя учителями демократии и либерализма. Нет такой «заплатки», которой бы польские СМИ не пришли бы российскому руководству, России и россиянам. Нет такого решения Кремля, в котором не подмечали бы лжи, провокации, подводного течения» [Stomma, 2006:36].

Поколение молодых образованных поляков и полек массово выезжает на Запад так же потому, в такой Отчизне они не могут ощущать себя самими собой.

Повесть Масловской, кроме названия «Польско-русская война под бело-красным флагом» положила начало очередному направлению. Писательнице удалось довести до логического завершения деконструкцию

ш эксплуатируванного уже национального мифа о моральном и цивилиза-ционном превосходстве Польши над Россией.
Остается только надеяться, что этот роман открывает дорогу для
Новых повествований, свободных от комплексов, стереотипов и
предубеждений. Пора перейти к диалогу славянских культур в духе
дневников Мариуша Вилька.

LITERATURA

- [Janion, 2006]: Janion, M., *Niesamowita slowianszczyzna. Fantazmaty literatury*, Wydawnictwo Literackie, Krakow 2006.
[Kapusinski, 1993]: Kapuscinski, R., *Imperium*, Warszawa 1993.
[Maslowska, 2005]: Maslowska, D., *Woja polsko-ruska po flagę bialo-czerwoną*, Lampa i Iskra Boza, Warszawa 2005.
[Said, 2005]: Said, E. W., *Orientalizm*, przel. M. Wyrwas-Wisniewska, Poznan 2005.
[Stomma, 2006]: Stomma, L., *Polskie zlodzenia narodowe*, Wydawnictwo
Sens, Poznan 2006. [Wilk, 2006]: Wilk, M., *Dom nad Oniego*, Noir sur Blanc, Warszawa 2006. [Wilk, 2007]: Wilk, M.,
Wilczy notes, Noir sur Blanc, Warszawa 2007.